

Женя Декина

Как в сказке

Рассказы

Играй — играй!

Тяжелый мяч взмывал вверх и летел дугой через сетку. Как вражеский снаряд, как пушечное ядро, как бульжник, пущенный прямо в голову. И увернуться нельзя, надо принять. Пропустить — стыдно. Некоторые девочки уже заранее отскакивают, и раздастся чье-нибудь:

— Ну ты че?

И тогда строгий физрук Виктор Иванович в советском еще костюме недовольно крикнет и отвернется. Только бы не сюда. Не сюда, пожалуйста. Можно в Борьку? Или в Валерку, он точно отобьет. Но мяч неумолимо нарастал и приближался. Огромный и тяжелый, как пушечное ядро, как снаряд, как... И в этот момент раздавался спасительный окрик тренера:

— Играй — играй!

Аля не могла понять, как он догадывается. Ты даже плечом повести не успел, а он уже крикнул. Неужели он, как бог, видит всех одновременно и чувствует, где страх. Но на бога злобный, кривоногий и совершенно лысый Виктор Иванович похож не был. Разве что на черта. Только потом Аля догадалась, что следит тренер совсем не за игроками, а за мячом. И кричит он только девочкам, не понимающим, как сложить руки.

После физкультуры Аля шла домой теми же подворотнями, из которых могла выпрыгнуть собака, поднималась той же лестницей, кишасей крысами, или отец мог караулить у двери, но в такие дни Аля больше не дожидалась случайных прохожих. Она шла сама. Шла и рассматривала синяки или шевелила распухшими пальцами, и эта боль напоминала о том, что Аля все-таки смогла. Сыграла.

Вечером с работы приходила мама. Маму все обижали. Обижали злые продавщицы, не выходившие вовремя, ленивый грузчик и ворчливые бабки с колясками. Мама терпела. Плакала она, только когда приходил отец и отбирал деньги. Аля хотела ее

Декина Евгения Викторовна родилась в 1984 г. в городе Прокопьевске Кемеровской области. Окончила Томский государственный университет по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Лауреат Волошинского конкурса, лауреат премий «Росписатель», «Звездный билет» и др. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей России, международного ПЕН-центра. Предыдущая публикация в «ДН» — рассказы «Нежные люди» (2018, № 3).

пожалеть, но мама говорила, что это от лука. Хотя Аля точно знала, что никакого лука в супе не было. И Аля мечтала, что когда вырастет, будет работать вместо мамы, чтобы не маму, а ее обижали. Но училась Аля так себе. Впрочем, в магазин, наверное, возьмут.

Как-то на уроке, сразу после физкультуры, учительница спросила домашнее задание и посмотрела на Алю. В голове сам собой вспыхнул суровый тренерский голос: — Играй-играй!

И Аля, даже не успев ничего сообразить, по привычке подняла руку. Ответила она правильно, и учительница похвалила ее. Потом это стало случаться чаще. Будто бы тренер поселился у нее в голове, и теперь, когда становится страшно, он кричит ей оттуда: «Играй-играй!».

А настоящий тренер на уроке перестал ей кричать. Але было приятно. Как будто она выросла, и теперь она — нормальный игрок, а не как эти.

Она пошла к маме в магазин, чтобы рассказать. Но маме некогда было разговаривать, и Аля принялась таскать тяжелые лотки. Бабка с тележкой в очереди возмутилась, почему такая маленькая девочка таскает тяжести, и Аля, повторив себе привычное «Играй-играй!», ответила, что грузчик все время орет и мама его боится. Бабка позвала директора, и Аля пожаловалась ему на грузчика. Грузчика отругали. Дома, за ужином, мама долго присматривалась к Але, будто не узнавая, а потом пришел отец. Мама хотела выключить свет и доедать в темноте, но Аля пошла к двери. Ноги не хотели идти. Из глазка смотрела огромная испитая морда. «Играй-играй!» — подумала Аля, но вслух крикнула другое. «Помогите!». И еще раз. И еще. Отец подолбился немного, но все же ушел.

Вернувшись на кухню, Аля рассказала маме секрет:

— Я заклинание знаю, волшебное. Надо говорить себе «Играй-играй!», и сразу все получится.

Мама посмотрела на Алю как-то странно и почему-то опять заплакала. Аля погладила ее по голове и пошла чистить зубы. На следующий день Аля записалась на волейбол. Особых надежд на нее не возлагали, но через пару лет она внезапно изрослась, окрепла и теперь играет в городской сборной. А скоро, может, и в областную возьмут.

Хронь

Медсестра Лидочка очень любила свою работу. У нее даже кабинетик был отдельный, проходной правда, но и это Лидочке нравилось. Приходит больной из темного сырого коридора, и не сразу к доктору попадает, а сначала к ней. А у нее по стенкам картинки радостные, вазочки и чай душистый с травами лесными — еще бабушка собирала и сушила сама. Заходит больной, а Лидочка ему с порога улыбается, в креслице усаживает и потчует. Пожалуется ей больной, про горе свое расскажет, а потом и к доктору уже не с тем, что мать на него покрикивает, жена к холостому соседу за солью по пять раз на дню бегаёт и зарплату опять задержали, а по делу. Иногда, правда, оказывалось, что после Лидочки сказать-то доктору уже и нечего, и сердце вроде как не колет, и голова уже не болит, и что делать теперь понятно. Доктор похохатывал над Лидочкой, но в общем-то был доволен, он на дух не переносил, когда люди с ним по душам говорить пытались.

— Чего он мне лечит-то, не пойму? Мать заткни, жене запрети, начальнику пригрози. Делов-то. Таблеток от тупости не придумали еще.

Лидочка на это только улыбалась, подходила к доктору и ласково гладила его по предплечью. Доктор сразу успокаивался и уходил в кабинет, прихватив с собой конфетку или печенку, которые на Лидочкином столе никогда не переводились. Сама

она сладкое не ела, блюла фигуру, о чем больные знали, но все равно заваливали ее сладостями. Не для нее, а для того, кто за ним следом будет в этом кресле посиживать. Вот, скажем, купил ты пряники, почти все умял, не лезет уже. Так ты пряничек в карманчик, и к Лидочке. Пряничек ей на стол положил, а сам конфеткой шоколадной угостился, которую сюда до тебя сосед положил. Сам же не пойдешь к соседу — давай, мол, меняться. Я тебе пряник, а ты мне конфетку, а через Лидочку — ничего. И сам ты вроде как человек добрый и щедрый получился, и сосед у тебя уже тоже не гад последний, который тебе под калитку шлак сыплет, а местами так даже и на человека похож.

А потому звонили Лидочке редко. Даже если просто на прием записаться, и то сами заходили. Благо, больница около трамвайной остановки, куда бы ни пошел, всегда по пути. А потому, когда на городской позвонили, Лидочка испугалась. Ну, думает, дело дрянь. Неходячий, наверное, или рядом где-то, потому сразу доктору звонить быстрее, чем скорую из центра вызывать.

Человек оказался странный. Долго у нее лицензии выпрашивал, документы. Лидочка все номера ему продиктовала, а он все равно идти не хочет.

— Вы приходите, пожалуйста, доктор вас посмотрит и лечение назначит. А я, — говорит, — чаем вас напою. С печеньками и конфетками. И еще у меня шоколадка есть. Молочная. И крекер, немножко сломанный, правда.

А он такой:

— Нет уж. Вы мне сначала скажите, как доктор меня лечить собирается.

Лидочка призадумалась и говорит по-честному:

— Хорошо лечить собирается, он у нас добрый, ворчит иногда и прикрикнуть может, но это он не со зла. Вы приходите, разберемся.

А человек ей:

— Нет уж, а давайте-ка вы мне все истории всех болезней из всех медицинских карт продиктуете, а я посмотрю, чего у меня есть, и проверю потом, чтобы он со мной точно не напутал.

Лидочке даже смешно стало, вот, думает, бывает же! Даже жаль человека, совсем доверять не умеет. Это же доктор! Он же в институте учился и в интернатуре потом долго еще. И вообще, никто на него за 20 лет ни разу не пожаловался. Впрочем, трубку положить Лидочка тоже не смогла. Вообразила себе, как бедный человек этот лежит там у себя перед телефоном и помирает от страшной болезни, а прийти боится. А затягивать-то нельзя, болезнь же прогрессирует с каждой секундой, доктора про это все время говорили. В общем, делать нечего, пришлось диктовать. Каждый вечер Лидочка оставалась после смены и до глубокой ночи читала странному человеку медицинские карты. Человек в ответ молчал, конспектировал, видимо. А когда карты закончились, вдруг признался Лидочке в любви. Лидочка очень обрадовалась, покраснела вся, подумала, что вот теперь-то все в ее жизни наладится, вообразила себе домик у речки с занавесочками в цветочек и ребеночка.

— Ну вы приходите, я на вас хоть посмотрю сначала-то. А то я же не доктор, я по симптомам не понимаю, я только по глазам читать умею. Ну и еще по кое-чему, о чем приличные девушки вслух не рассказывают.

— Нет, — говорит, — не пойдет так. Кто в доме мужик? Мужик я. Значит, как я сказал, так и будет.

Этому Лидочка очень обрадовалась, потому что устала она сама все решать, вот, думает, как хорошо-то! И в мечтах ее у ребеночка уже сами собой братики и сестренки образовались.

Правда, потом Лидочка опять огорчилась:

— Ты, говорит, Лида, сначала должна понять, как я любить умею. А я ого-го как умею! Долго и обстоятельно. И скоро ты в этом убедишься.

Лидочке это очень не понравилось, потому что она была девушка шустрая и с

детства все привыкла делать быстро. Это папаня ее, алкоголик, сто лет планы себе придумывал, потом пункты в этих планах переставлял, мол, так оно целесообразнее. Сначала надо за хлебом сходить, а потом уже суп варить, а то пока за хлебом сходишь, суп уже и остынет. А перед этим полы еще помыть и луку нарвать. Сначала луку, потом полы, потом в магазин, потом суп, а в суп ведь овощи еще помыть надо, а с них грязи налетит, и снова пол мыть? Значит, суп надо перед полом поставить. Так это что же, выходит, и обедать придется в немойтой комнате? А пока он это все думал, Лидочка уже успевала все это сделать, на что отец только сердился — выходит, опять ему все перестраивать, а у него только-только гениальный план созрел, как перед магазином надо не весь суп варить, а только овощи помыть, а потом уже полы.

Лидочка аж взмолилась:

— Не надо, — говорит, — долго и обстоятельно, очень прошу, это мне больно будет и неудобно, я так долго мечтать не умею, да и вообще, вы приходите лучше, я в глаза посмотрю и все про вас сразу же почувствую.

Человек, однако, не согласился, и Лидочка, проплавав всю ночь в подушку, наутро про него забыла. А потом началось странное. Кто-то начал Лидочке записочки любовные подсовывать, букетики подкладывать, и люди себя начали как-то странно с Лидочкой вести. Ходят, ерунду какую-то говорят и подмигивают, будто знают чего-то. Лидочка так испугалась, что чуть в дурку не загремела. Людей бояться стала, из дома просто так не выходит и чаем больше никого не угощает. Сидит, исподлобья на всех смотрит, а вдруг это вон тот человек ей свою «любовь» показывает. Или вот этот? Доктор ее, правда, вовремя спохватился. Понял, что ему про нытье слушать совсем невыносимо, а пациенты без Лидочки все свои горечи ему выкладывают. Впрочем, доктор решение быстро нашел — сядет в кабинете у нее, журнальчик почтительно, не слушает, чего там пациенты Лидочке жалуются, зато ей с ним поспокойнее. Постепенно и выправилось. А потом звонит ей этот человек снова и спрашивает радостно:

— Ну как, сильно я любить умею, а, Лидочка? Убедилась теперь?

Лидочка ему и говорит:

— Маньяк ты, и любить совсем не умеешь. Ты букеты эти свои и записочки в зад себе засунь и радуйся. Пока ты мне там асфальт расписывал, я коробки с анализами из подсобки сама таскала, спину чуть не сорвала, под дождем мокла, огород в одну лопату все 12 соток, от хулиганов отбивалась, а ты, мудака, лучше бы пришел и помог.

— Нет, — говорит, — я же перед тем как прийти, должен был узнать, что тебя во мне раздражает, чтобы нам потом в совместной жизни легко жилось, чтобы ты меня впредь понимала. А если чего не так, то мы бы с тобой над этим поработали заранее, перепроверились, а потом бы сразу и сошлись.

Но Лидочка трубку бросила и говорить с ним больше не стала. Чего с дураками разговаривать? Он, правда, дальше еще звонил, но на этот раз трубку доктор взял, и сразу все прояснилось.

— Лидка, да это же Хронь! Я его по голосу узнал!

Хронь был в городке человеком знаменитым. Он всегда все лучше других знал и никого не слушал. Скажет ему, к примеру, продавщица в магазине:

— Отойдите, пожалуйста, мне лоток с хлебом занести нужно, вон грузчик пьяный валяется, а мне держать тяжело.

А он ей:

— А зачем же вы такого грузчика держите? Он же обязанностей своих не исполняет, не по уставу это, на рабочем месте напиваться.

И стоит. А продавщица дальше в руках тяжеленный лоток с хлебом держит и говорит ему:

— А ты, раз такой умный, иди и директору магазина про это скажи, я за грузчиков не отвечаю, мое дело маленькое, мне хлеб людям продать надо.

А Хронь чего, идет к директору и все это ему про грузчика и высказывает.

А директор обижается, потому как из его слов получается, что и директор своих обязанностей не исполняет — грузчики у него пьют и продавщица тяжелые лотки таскает. Ну, он и погонит Хронь взашей из кабинета. А Хронь потом ходит и всем рассказывает, какой в магазине директор плохой — он ему помочь хотел, а тот его матом.

Или на работе тоже — ты, говорит, гайки неправильно крутишь. По уставу положено под прямым углом к гайке подходить, и локоть к телу не прижимать, да и вообще, ключ у тебя по уставу разводной должен быть, а этот велосипедный. Так и ходит до вечера, всем указывает, как оно правильно, а к вечеру бригадир приходит работу проверять, все план выполнили, а некоторые и перевыполнили еще, а Хронь так и проболтался весь день. Его, впрочем, увольнять не стали, а отдельный кабинет ему выделили, и там его и держали, чтобы он сам себе все как положено устроил, а к людям не лез.

И Лидочка как представила, что она за этого человека замуж собиралась, ее аж передернуло всю. Это же получается, что она ему детишек нарожает в домике у речки, а потом в этой же речке вместе с детишками и утопится. Хронь же лучше всех всё знает, как в голову чего вдолбит, так и насмерть уже. Вообразила себе, как Хронь ее ребеночку ботиночек на ногу надевает, ребеночек кричит, что больно ему, вырывается, а Хронь же лучше всех знает, он как положено все делает, а потому блажь это у ребеночка, а то, что ножка у него сломалась, так это ничего, бывает. Или того хуже, уроки делать, например. Не понимает ребеночек параграф в учебнике, а Хронь ему — мало старался, ты наизусть выучи, тогда поймешь. Вот ребеночек ее сидит целыми днями и зубрит. Плачет, погулять ему хочется, просит, чтобы Хронь его на улицу выпустил, хоть на секундочку, а он ни в какую — блажь это и капризы. И Лидочка к ребеночку своему просится, давай, говорит, я ему объясню, я знаю как, я по глазам читать умею. Если так не понимает, я ему по-другому объясню, я могу, правда. За десять минут объясню и купаться пойдем на речку все вместе. Но Хронь не пускает, потому что в дневнике у ребеночка написано: «Выучить параграф номер три», а он еще даже первый абзац не до конца. А это же не ножка, ножка зарастет, это голова, и после такого воспитания оно уже и не лечится.

Побежала Лидочка в церковь, на радостях свечку поставила за то, что господь ее и ее детишек будущих от такого ужаса уберег. Поплакала еще, но это потому, что времени потраченного ей жалко стало — столько ему талдычила — приходи, приходи, приходи, плакала, просила, а он так и не явился. Свое продолжал и все. Хронь, одним словом. Ни любви, ни доверия.

Лидочка, впрочем, долго горевать не стала, она все быстро делала, а потому вскоре вышла замуж за заезжего олигарха, нарожала ему детишек в домике у речки и до конца своих дней была счастлива.

Линия жизни

В детстве Герман часто рассматривал свои ладони, пытаясь увидеть будущее в пересечении тонких линий. Там были зашифрованы ответы на все вопросы — карьера, успех, количество жен и детей, болезни и выздоровления. И если разгадать это сейчас, то судьба предстанет перед тобой во всей простоте и очевидности, и больше никогда не придется сомневаться, выбирать и думать.

— Чему быть, того не миновать, — часто приговаривала бабушка в ответ на все — на разбитую чашку, на двойку по русскому, на порванную рубашку и разбитый нос.

Не ругалась и особенно не расстраивалась. Просто вздыхала и говорила свое обычное. Герман очень хотел этому научиться — просто вздыхать в ответ. Получил двойку — вздохнул только, а не побежал за русичкой договариваться о передаче,

краснея и путаясь от стыда в объяснениях. Порвал рубашку — вздохнул и понес бабушке, а не погнался за противно хохочущим одноклассником, чтобы потом еще и в нос от него получить. И любимую бабушкину чашку не пытаться склеить полтора часа, прилаживая рассыпающиеся осколки, а просто вздохнуть и показать. Но пока не получалось. Наверное потому, что бабушка уже свою судьбу знала — успела за годы жизни разгадать все хитросплетения на морщинистых ладонях.

А Герман пока ничего о себе не знал и как разгадывать не понимал тоже. В линии здоровья разрывов не было, в линии карьеры значилось, что все у него будет хорошо — несколько раз его позовут на другую работу, но он останется и получит за это повышение. Детей двое — мальчик и девочка. И третий — не точно. Может быть, приемный. Или умрет в младенчестве. Или Герман родит его в старости и не успеет повоспитывать, как дедушка не успел повоспитывать его. С женой непонятно. Хотелось поскорее влюбиться и тоже носить кому-нибудь портфель и дарить цветы, поражая одноклассников смелостью, но, кажется, было рано.

Как-то на математике Герман измерил длину линии жизни и поделил на отрезки, как учили. Выходило, что будущую жену он должен встретить где-то в районе двадцати, но это если общую продолжительность жизни принимать за 100 лет. По сто лет прожили какие-то ближайšie, но незнакомые Герману предки с генеалогического древа, которое задали на истории, и они с бабушкой почти неделю это древо рисовали. Как только Герман заканчивал черновик, бабушка рассматривала семейный альбом и вспоминала еще парочку или звонила какой-нибудь тете Глаше из Торжка, и та тоже вспоминала, а Герману приходилось начинать сначала. И если бы он не округлил их, сославшись на то, что завтра сдавать, то они бы, наверное, до сих пор это древо рисовали. Учительница тогда поставила Герману огромную красную пятерку прямо на рисунке, а бабушка повесила древо в прихожей, и заходившие долго его рассматривали. Герману было неловко за пятерку в рамочке — получалось, будто он хвастает или будто пятерки он получает так редко, что их вставляют в рамочки и вывешивают в прихожей. Бабушка повесила там же аппликацию из засушенных листьев, которую Герман сделал еще в третьем классе, и кривой портрет собачки, нарисованный, кажется, в детском саду. Но перерисовывать все заново только из-за пятерки было лень.

С другой стороны, дедушка Германа умер в пятьдесят, после неудачной операции на сердце, брат дедушки дожил до семидесяти двух. Отец сильно пил, и потому понять, жив ли он вообще, было нельзя — мама говорила, что умер, а ее новый муж, что жив, но пусть только попробует заявиться, он его быстро того. Так что если высчитать среднее арифметическое, то Герман должен жить где-то до восьмидесяти, а если поверить маме, то и до семидесяти никак не дотянуть. Значит, длина отрезка означала уже другое количество лет, и на Асе, с которой он познакомился еще в одиннадцатом классе, вполне можно жениться.

Дальше понеслось быстро — институт, насчет которого Герман сначала сомневался. Тест на профориентацию показывал работу с людьми: торговля, туризм или управление персоналом. Магазины открывались целыми сетями и закрывались так же внезапно, поэтому, скорее всего, не оно — чтобы много лет продержаться на одном месте нужно было, чтобы само место продержалось. Туристическая фирма в городке была одна, а значит тоже не то — переманивать Германа было некому, а значит, и повышения не светит. Выходило управление персоналом, и после института Герман устроился на биржу труда, успешно организовывал компьютерное обучение для пенсионеров, которые на свою пенсию компьютера уже никогда не купят, выездные консультации по профориентации, программы трудоустройства для эков, которые между отсидками пытались изменить судьбу, но срывались и возвращались на зону. Чему быть, того не миновать. Когда родился сын, Германа пригласили работать в городскую администрацию. Он отказался и получил повышение от мэра, который и

представить себе не мог, что молодой отец способен отказаться от зарплаты вдвое, а то и втрое выше. За идею, значит. Молодец. Вы там его это... Не обижайте.

На похоронах бабушки, не дожившей даже до восьмидесяти, Герман бросил на гроб горсть влажной земли и долго рассматривал свои ладони. Ася пыталась уговорить ревущего сына, который вырывался и бежал к могиле, но перед тем как подойти к краю, останавливался и робко приближался, комично выставив вперед одну ногу, — заглядывал, перегнувшись в талии. В могиле был гроб.

После похорон Герман сначала запил, потом ушел с головой в работу, потом стал делать это одновременно. И если бы не новая сотрудница Алёна, которую он сам же и принял, то мог бы и спиться, наверное. Но нет. Чему быть, того не миновать.

Алёна Герману нравилась. Она была какая-то светлая. Хлопала своими огромными голубыми глазницами, здоровалась, широко улыбаясь, выбегала из каморки, чтобы помочь бабушкам присесть, работала хорошо и никогда не опаздывала. Дома Ася родила второго, и взгляд ее темных глаз стал еще глубже и тревожнее. За ужином она кормила грудью, пытаясь одновременно впихнуть в старшего суп, и не слушая, кивала Герману. Герман брал старшего на себя, гулял, помогал. Купил радионяню, манеж и мультиварку, но с Асей все равно было не о чем. Алёна всегда находила о чем рассказать — то восьмидесятилетний старик пришел искать работу, то сорокалетняя женщина, не окончившая даже среднюю школу, хотела устроиться директором, то домущник после третьей отсидки рвался в инкассаторы. И фигура у Алёны была совсем другая — летящая, тонкая. И каждое утро, позавтракав сытной плотной кашей и поцеловав приземистую жену, Герман пил терпкий кофе и любовался через раскрытую дверь кабинета на Алёну. Изумлялся, как легко она порхает между полками, какая у нее высокая грудь, аккуратная попка, тонкие пальчики. А потом смотрел на свою ладонь, на которой из линий жизни, ума и судьбы ясно вырисовывалась большая буква «А». И если раньше это подтверждало, что женился он верно, то после смерти бабушки, укоротившей и его жизнь, «А» могла означать и Алёну. Скорее всего, нет, потому что оба ребенка уже состоялись, разломов и разрывов на линии любви не было, но мысли все равно приходили. Он представлял, как Алёна наклоняется над его столом, раскладывая перед ним документы на подпись, или показывает ему отчетность на мониторе, а он поднимается медленно из-за стола, обходит ее сзади и медленно задирает узкую юбку. Становятся видны швы, подкладка скользит по плотным черным колготкам, просвечивается узкая полоска трусиков и бугорки синтетических кружев проступают на литой капроновой поверхности. После этого общаться с Алёной стало невыносимо — он думал про ее юбку, о том, какие на ней трусики сегодня, и сбивался. Перед Новым годом Герман перевел Алёну в другое отделение. Когда он сообщил ей об этом, Алёна замерла и посмотрела на него пристально. Чтобы ничем себя не выдать, Герман так сильно сжал в ладони ключ от кабинета, что, кажется, нечаянно распорол себе руку. Посмотреть не мог — не сводил взгляда с Алёны, ее огромных глаз, челки и губ с насмешливой полуулыбкой. От ключа остался тонкий порез — вторая перемычка между линией сердца и линией ума, и теперь на ладони рядом с отчетливой «А» образовалась еще и квадратная «О». Порез долго не заживал и противно пощипывал, когда приходилось купать мальчиков и мыть посуду. И каждый раз, прижигая ранку перекисью, Герман думал о том, что это совсем не «О», а замкнутый круг или клетка, из которой уже никогда не выбраться.

На новогоднем корпоративе Герман напился и увел к себе в кабинет захватившую их проверить начальницу из области. Ольгу. На ней были узкая юбка, плотные черные колготки и бесшовные трусики. Потом она еще долго звонила, плакала, умоляла приехать, приезжала сама, говорила, что беременна, что нашла ему место в областном центре и много чего еще. Но к тому времени ранка уже заросла, и все вернулось на свои места. Герман купил жене шубу и забыл об Ольге.